

В Пермском крае стартовал конкурс публикаций СМИ о работе скорой медицинской помощи «Служба для жизни». В качестве организаторов конкурса выступили региональный штаб Общероссийского народного фронта в Пермском крае, Пермская краевая организация союза журналистов России и общественная организация «Профессиональное медицинское сообщество Пермского края».

До последнего дыхания (Битва за жизнь жены Марии Родионовны).

Не знаем, понравится ли организаторам конкурса эта публикация, но мы считаем своим долгом принять участие в конкурсе именно с этим рассказом о работе скорой помощи в городе Чайковском. Понимаем и отдаем себе отчет, что такие случаи — единичные, что это не устоявшаяся тенденция и врачи скорой помощи, в большинстве своем, это действительно спасатели жизней. Но мы не хотим, чтобы такие вопиющие случаи оставались без внимания и без наказания.

Если много знаешь, так зачем «Скорую» - то вызываешь? Сам лечи».

Честно скажу: мы очень редко встречаемся с читателями, чтобы взять интервью или выслушать проблемы. Просим присылать тексты и фотографии на почту, так оперативнее. Объясняем читателям, что так нам удобнее. Ведь если только откроем прием, работа редакции парализуется. Но Василию Александровичу Нелюбину не смогли отказать. Потому что не успели мы задать вопрос по телефону, он произнес кодовую фразу: «Дети войны мы,

удостоверение под № 4. Ветераны труда с медалями и жена, и я». Понятно, что не смогли отказать во встрече.

Ред. Василий Иванович, Вы с какой проблемой пришли?

В.И. У меня жена преждевременно ушла из жизни 18 июня. Начинать надо с 21 февраля, с кардиологии. Мы туда ушли нормально пешочком. Из кардиологии выписалась 7 марта, я ее уже привез на такси. У меня

там описано все как она лежала в кардиологии. После выписки из кардиологии у нее такие приступы стали острые и непонятно, какие причины. Везде колет как иголками, везде жжет. Ничего не может. А давления высокого нет, даже низкое давление, если сослаться на сердце, как врачи ссылаются. Вызвал скорую 18 июня в 1ч 20мин. ночи.

Ред. Месяц назад получается.

В.И. Скорая помощь приехала в 1 ч 30 мин. Приехали 2 мужчины. Сразу стали на высоких тонах разговаривать, громко. 18 июня у них праздник -День медицинского работника был. Но не надо на это сослаться, бог с ними. Я же без свидетелей, наедине с женой и с медициной. Я сразу выкладываю им карточку медицинскую, выкладываю все прошлые эпикризы, кардиограммы. Они никакую кардиограмму снимать не стали. Давление измеряли... Ой, тяжело мне что-то...

Ред. Не волнуйтесь.

В.И. Как это? Я ведь уже знаете, голубушка, до чего дошел: 46,5 кг, сегодня взвешивался. На 25 килограммов похудел... Я уже ходить не могу почти. Вот, значит, вначале на высоких тонах они разговаривать стали. Я говорю: «Пожалуйста, потише, у нее без этого голова раскалывается. У нее слух отличный». Они говорят: «Не учи нас, как нам надо. Мешать будешь - полицию вызовем». Я говорю: «Простите, я не мешаю, я поясню. Сейчас я вам поясню, что у нее поливалентная аллергия. Красной пастой по белому написано, что препарат строго обоснованный». Они же подбирали даже в Ижевске.

Ред. Сейчас Вам сколько лет?

В.И. 30 августа будет 81 год.

Ред. А жену как у Вас звали?

В.И. Ее простонародно Мария Родионовна, а по документам Матрена Родионовна. Так вот проблема то... Вы бы мне помогли. Я принес фотографию ее, голубушку. Может она обидится. На тумбочке она стоит, где ее спальная. Как говорится. Без ее разрешения. Только не надо фотографировать.

Ред. Сейчас-то уже не спросишь ее.

В.И. Нет, не надо. Она просила: «Я не хочу, чтобы на меня на мертвую смотрели».

Ред. Здесь-то она живая.

В.И. Вы посмотрите, человек какой: доброжелательный, добродушный. Это же вообще! Даже притягивает. Посмотрите на матушку. Я не могу больше. (Плачет). Не могу я оправиться. Я уже ходил к юристу в «Элегант». 29 июня я к нему пришел. Мы никому плохого ничего не сделали за всю жизнь. Я от нее никогда не слышал плохого слова. Даже не давала мух обижать, велела открывать окно и выгонять. Представляете!

Кончина-то у моей жены смотрите какая, если бы Вы посмотрели, сердце бы не выдержало, как издевались над ней. Ведь, если вам показать, это же уму непостижимо. Скорая помощь приехала, 2 мужчины. 18 июня я вызвал в 14 20 мин. На телеграф-то я ходил, справочку чтобы дали, когда звонок был сделан... Они спросили для чего. Я сказал, что мне нужно. Они могут тоже схитрить там на телеграфе-то.

Ред. Нет, они не схитрят, у них же это все автоматизировано.

В.И. Диспетчер скорой очень грубо отнеслась. Я говорю: «Острая боль. Девушка, голубушка, матушка, пожалуйста, срочно!»- «Всем срочно надо! Ждите». И трубку положила. Я снова звоню. Жена говорит: «Не звони, пожалуйста, часто будешь звонить, вообще не будут трубку брать». Я снова звоню. Диспетчер отвечает: «Уже у вашего подъезда, наверно, машина». Я только трубку-то положил, в домофон звонят. Я открыл двери, смотрю, у меня душа в пятки. Два таких накачанных заходят. Ну, бог с ними, что они здоровые, но видно, что они под этим самым. Сразу стали громко говорить. Один-то уселся в кресло, а второй очень громко начал жену допрашивать

что болит, да как, да где. Я говорю: «Будьте добры, хоть кардиограмму, хоть давление измерьте». Кардиограмму так и не сделали. Спросил, какое давление, они молчат. Катетер не могли поставить. Вызывают вторую «скорую». Вторая «скорая приезжает, там тоже два здоровых мужчины и молодая девушка. Маша-то спала на раскладном диване, а рядом два кресла. А в спальне я находился.

Она разговаривала еще. А сколько они ей боли принесли!

Скорая вторая приехала, тот, который не смог катетер поставить, отошел. Подошел мужчина, тоже стал допрашивать. Я говорю: «Простите, можете потише?». – «Что, будешь еще нам указывать». Я говорю: «Пожалуйста. Поише, у нее и так все разваливается.- «Иди в свою комнату, иначе полицию вызовем сейчас». Я говорю: «Вот, пожалуйста, я вам все документы выложил. Карточка, все там, красным шрифтом написано по белому, что поливалентная аллергия, что лекарства строго обоснованы. Подбирали в стационаре. И то, не здесь подбирали, а в Ижевске. А потом я расскажу, вот почитаете здесь что подбирали-то. Они просто ее обманули. Они испытывали лекарство. Значит что? Катетер поставили и громко очень разговаривали. Этот проснулся. Меня всего трясет, я заикаться стал с 18-го числа. Вы бы только видели, там чего делали. «Собирайтесь!» У меня все вышибло из головы. Жена-то говорит: «Так ты чего? Шкаф-то открой, комод открой, там все есть: носки, кофточки, что надо, все возьми». Она разговаривала еще. А сколько они ей боли принесли! Потом сказали: «Собирайтесь!» Я носочки одел, кофточку. Я не знал, что как сделать-то. Я говорю: «Носилки мягкие, пожалуйста, принесите». Они не среагировали на это. А я до этого объяснял, что у жены поливалентная аллергия. «Ты больно много знаешь, если много знаешь, так зачем «скорую» то вызываешь? Сам лечи». Потом опять, начинаю, если говорить только. Они: «Если еще будешь мешать нам, вызовем полицию». А я, ведь, сразу понимаю, что полицию вызовут, они наговорят, что я «чирикнутый», рубашку оденут. У них запросто. Могут из здорового человека сделать калеку и дурака. Что делать-то? Они покрывало взяли и на покрывало положили жену. Я им двери открыл, они понесли. А дело-то, ведь, ночь, 2-й час. Надо двери-то зарыть. Я не могу в скважину попасть ключом. Закрыл, только выхожу на улицу, он уже закрывает дверь у машины. Я говорю: «Пожалуйста, не закрывайте, я должен с женой быть». Он, по-моему, ответил, что места нет. Я думаю, мне надо успеть, пока они не доехали до туда. Побежал к приемному покою, стою, жду. Засек время.

Самое малое 25 минут я их ждал, пока еще сознание-то было. У меня хорошо все это запрограммировалось.

Я убежал в приемный покой вперед машины. А «скорая» осталась. Жена там, в «скорой» осталась напротив нашего подъезда. Я не дал в квартире-то «поливалентные» уколы делать. Ну и что Вы думаете? Они, конечно, ее там кололи. Что они там делали больше 20 минут? Когда приехали в приемный покой, тут врач вышел, мы уже у него бывали, седоватенький такой, не высокий. На пороге своего кабинета стоит, глянул. Я говорю: «Добрый вечер! Только у нас не «добрый», помогите, пожалуйста, побыстрее!» Я говорю: «Вы нас помните уже, что надо делать». Он тут постоял, потом покатил каталку. Санитарка или кто, показали куда. А там ничего нету у них: некуда даже подключить кислород, чтоб оказать помощь-то. А лежала она голой спиной, у нее кофточка задралась к затылку. Железо голое на каталке-то, и каталка была в машине -тоже голое железо, и ничего не было, чтобы постелить помягче, укрыть, поудобнее уложить.... А ночью прохладно было. Сколько я просил о помощи, никто не подошел, никто. Я по коридору бегал. Потом жена говорит: «Ты чего бегаешь-то, иди сюда». Я побегу посмотреть, каталка-то высокая, думаю, упадет ведь, на бетонку-то в комнате, никого нет. Я не стал ни в одну дверь стучаться, просто говорю: «Пожалуйста, помогите!» Она мне потом машет. Я подошел, она лежит и показывает на грудь: «Меня душит...». Дышать нечем. Я выскочил. Она: «Куда? Вернись!» Я давай кричать громче еще. Санитарка выходит и на пороге: «Че орешь?» я вернулся снова к жене-то, руку-то под шею подтолкнул, штормовку скомкал, а чего, она тоненькая. У нее голова-то была ниже, чем ноги... Каталка такая. Я ей подсунул под шею левую руку, чуть-чуть приподнял головку-то и правой рукой туда сунул штормовку....

До последних секунд со своей «дорогушей»...

В.И. Так она была очень, внутренне-то, очень сильный человек! Я опять давай кричать, звать на помощь. Человек задыхается... Медсестра санитарке пальцем наверх показала, будто сигнал подала, дескать, кверху. Я думаю: «Ну, слава богу, наверху это кардиология!» Мы с санитаркой в лифт закатили, никто из медицины не вышел. Медсестра сразу ушла, сунула санитарке бумажки и ушла. Из лифта выкатили, показали там на комнату. Я понял, что

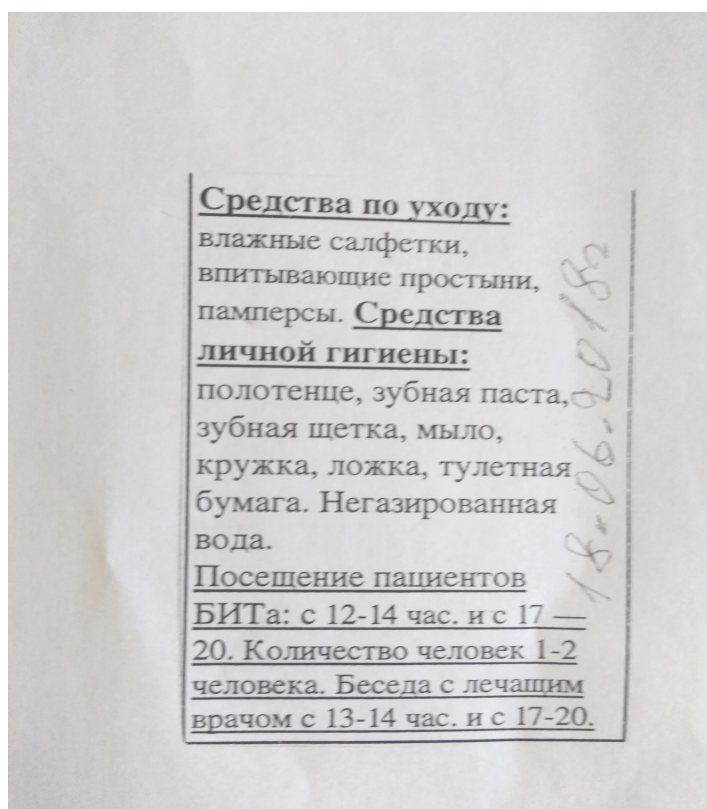
это за комната. Жену положили на кровать. Врач дежурный с порога, не зашел, к ней не подошел, спрашивает меня: «Когда последний инфаркт был?» Я не помню, что ему ответил. Он удалился. Потом заходит медсестра через некоторое время. Я смотрю, задумался: «Что делать-то, дорогуша? Чем помочь?» Медсестра заходит делать укол, я посмотрел, внушительная ампула диаметром. Я думаю: это же лошадиная доза. Я ее спросил: «А это что за препарат?» Она что-то сказала, я не дослышал. Я снова к ней: «Какой препарат?» Она: «Обезболивающий». Я говорю: «Что такое?» Она сказала или кеторол, или преднизолон, они тоже обезболивающие. Ей в стационаре делали, у нее аллергия была, ее откачивали. Они это же решили сделать, а может даже еще другой, почище. Я говорю: «Девушка, нельзя, не делайте!» Вы не представляете, такой стресс. Что делать дальше-то? Один, никого нет. Повернулся посмотреть, где у жены рука-то лежит, катетер тут, смотрю, а медсестра уже вводит. Я в этот момент не мог, сработало все же у меня правильно, не мог я ее остановить, потому что она нечаянно сделает резкое движение, руку -то поранит. Человек то еще живой ведь. Она все ввела и быстренько вышла, чуть ли не бегом. Да тут расстояние-то: кровать здесь была. Она вот так лежала

(Василий Иванович волнуется, вспоминает, показывает руками до сантиметра, где что стояло в палате, отмеряет расстояние...). А я тут же стоял спиной к медсестре. На лицо-то смотрю жене, что делать? Медсестра выскочила, и вы представляете, смотрю, рука движется. Я чуть не упал. Движется, движется ближе к краю, я потом поясню. Еще градусов под 30 она держала, чтобы резко не опустить. Я подумал, что у нее еще внутреннее сознание было, она сказать не могла, у нее там все перекрыло дыхание. Руку-то опустила, раз, два, хотела еще поднять и не смогла, рука опустилась. Так Вы представляете, я сейчас поясню, я знаю, я

изучил ее. У нее какое сознание было, она наверно думала, что она еще на каталке, если руку резко опущу, руку пораню. Мысль-то у нее была, что она еще не на кровати, а на каталке. Какие у нее интересно действия были, что она хотела сделать? Тут я уже не могу расшифровать. Она еще была в сознании. Тут сразу зашли. У меня перед глазами-то все уже, туман. Зашли и говорят: «Выйдите отсюда». Я вышел. Так мне бы хоть руку-то положить вдоль туловища ей. Я уж потом осознал. Вышел, стою. Двери открытые. Стою, не знаю что делать. Подходит ко мне медсестра, врач-то не будет эти бумажки разносить, подходит медсестра, бумажку подает мне, формат такой, как спичечный коробок. Напечатано там мелким шрифтом.

А что я буду читать, я крупно-то не вижу, через лупу дома читаю. Я в карман положил. Она потом мне и говорит, перечисляет как стихотворение или молитву какую: к 8 часам придете (а это было минут двадцать третьего, нет, я в 3-30 ушел из палаты), принесете кружку, ложку, полотенце, зубную пасту, мыло, памперсы, влажные салфетки, впитывающие пеленки. А тут через дорогу аптека круглосуточная. Я пошел и все набрал, большой пакет. Ушел домой, складываю всё. Я не соображал. А сейчас-то я понял, а зачем? Что, она встанет и будет зубы чистить? Они уже издеваются, скажут, пусть он тут рухнет еще. Они же видят, в каком я состоянии...

продолжение следует.

Для справки:

Предложения СКР об изменении ответственности за врачебные ошибки вызвали бурную дискуссию в медицинском сообществе

два дня назад в 18:52, просмотров: 18885

Врачей намерены привлекать к **ответственности** за некачественное лечение: много жалоб.

Следственный комитет определился, как именно будут наказывать медиков за профессиональные преступления по новым статьям Уголовного кодекса — если, конечно, их утвердят все ветви исполнительной власти.

Смерть пациента, тяжкий вред здоровью и гибель плода в утробе матери из-за нерасторопности медиков будут караться строже, чем сейчас. Под суд отправятся и особо наглые деятели, которые, не имея медицинского образования, надевают белые халаты, берут в руки скальпель или назначают больным таблетки. Зато медицинская ошибка, совершенная врачом без какого бы то ни было злого умысла, может вовсе остаться безнаказанной. «МК» узнал все подробности грядущей реформ

Смысл реформы — полностью изменить подход к уголовной ответственности медиков

Сейчас над врачом висит целых три статьи Уголовного кодекса: 109-я — «Причинение смерти по неосторожности», 118-я — «Причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности», и 238-я — оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности.

В случае реализации реформы все эти составы преступлений окажутся полностью неприменимы к медперсоналу. Зато в УК появятся новые составы — специально для медицинских работников. Первое такое новшество — статья 124.1 — «Ненадлежащее оказание медицинской помощи». На скамье подсудимых по обвинению в этом преступлении окажется доктор, по вине которого пациент получил тяжкий вред здоровью. Наказаний предусмотрено два: штраф до 200 тысяч рублей либо лишение свободы на срок до двух лет плюс безоговорочная дисквалификация на три года. Для сравнения: сейчас за причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности, если этот вред причинен в связи со служебной

деятельностью, можно получить лишь год тюрьмы. А отстранять бракодела от работы или нет, остается на усмотрение суда.

Наталья Балякина

<http://chaykovskiye-vedomosti.ru/zhurnalistskoe-rassledovanie/>